НАСЛЕДИЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО В НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ

Кямаля УМУДОВА

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы. Бакинский славянский университет

(Продолжение. Начало в №3-4)

В данной статье, опубликованной в журнале "Достоевский и мировая культура" ИМЛИ РАН (2022 , №1, с.210-236) (редактором журнала является известный достоевист Татьяна Александровна Касаткина) представлен подробный научный обзор Международной научной конференции в Карсе (Турция), посвященной 200-летию Ф.М.Достоевского, подготовленный Кямалей Умудовой. Конференция стала открытым форумом для исследователей из многих стран мира, для которых творчество Достоевского стало мостом, связывающим разные литературы и культуры. На конференции прозвучало немало интересных и содержательных докладов по вопросам восприятия творчества писателя в разных культурах, об истории переводов и изучения, преподавания его произведений в Турции, России, Азербайджане, Грузии, Таиланде, Китае, Польше, Молдове, Индии и др. странах. С большим интересом были встречены доклады азербайджанских ученых Кямали Умудовой, Хураман Мурсалиевой Вели, Пигяр Рамиз гызы, Гюльтекин Гасымовой, Лейлы Алиевой, Севиндж Имановой и др.

Предлагаем вниманию читателей данную публикацию в сокращении.

Коранические грани В.Борисова исследует также в образе главного героя романа "Идиот". Другой, не менее идеальной ориентацией на Мухаммеда она считает "Смешного человека" Достоевского из его "фантастического рассказа", также написанного на синтетической библейско-коранической основе. "Секунда" космического бытия, пережитая "Смешным человеком" в каморке-ячейке мироздания, перекликается с секундой, за которую не успел пролиться кувшин Магомета, но совершилось его путешествие на небеса. Типологически совпадают и коренные жизненные ситуации, в основе которых лежит метафора смерти-возрождения: "Смешной человек" в могиле, Магомет в пещере вступают в общение с Богом. В обоих случаях ночной полет пророков связан с их душевным потрясением и восторгом перед ярко засиявшим светом рая, с деформацией времени, характерной для религиозно-мифологической традиции.

Одним из наиболее ярких подтверждений связи творчества Достоевского с культурой и историей Ислама назвала докладчица очерк "Фома Данилов, замученный русский герой", опубликованный в "Дневнике Писателя" за 1877 год. Победив противника в честном поединке, народный герой вызвал уважение у врагов. Отсюда эквивалентный по смыслу и нравственной оценке перевод: азиаты, "замучив его до смерти, удивились силе его духа и назвали его батыром, то есть по-русски богатырем". Таким образом, ключевая в очерке Достоевского эмблема "Фома Данилов - русский батыр" снимает противостояние двух вер, выражая авторскую оценку религиозного подвига солдата-христианина. В высшей степени актуальной в наши дни называет проф. В.В.Борисова осмысление человеческого поступка с общечеловеческой, нравственно-религиозной точки зрения.

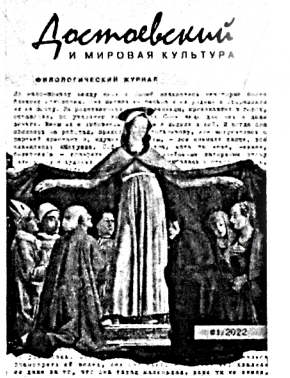
Созвучно главной идее доклада российского ученого прозвучало выступление доц. кафедры истории русской литературы БСУ Кямали Умудовой (Баку), которая назвала общечеловеческую направленность антропологических исканий Ф.М.Достоевского бесценной заслугой перед человечеством. Не случайно Ф.М.Достоевский - один из наиболее видных деятелей истории мировой культуры и литературы, чье творчество оказало сильнейшее влияние на писателей разных стран.

Доклад "Проза Шерифа Айдемира в свете антропологии Достоевского", с которым выступила Кямаля Умудова, был посвящен теме проникновения слова и образа Достоевского в турецкую литературу. В небольшом предисловии к своему докладу она рассказала о том, что причиной исследовательского интереса к данной теме стала встреча с рассказом турецкого писателя, а точнее, с эпиграфом "Мы все вышли из "Шинели" Гоголя" с указанием рядом автора - Достоевского - к рассказу "Твидовое пальто". Свои мысли о глубочайшей связи творческих задач, художественных принципов изображения человека у Достоевского и Айдемира она отразила ранее в своей статье под названием "От "Шинели" Гоголя до "Твидового пальто" Айдемира", опубликованной в журнале Azərbaycan. Желание прочитать Айдемира на пересечении с темами, образами, мотивами Достоевского, в свете его антропологии совпало и с основной целью конференции в Турции - показать действие универсума Достоевского в культурных пластах и традициях разных народов. Обратившись к писателю, руководителю Центра исследований по литературе, искусству и культуре в Стамбуле (ESKADER) Шерифу Айдемиру с вопросом о роли Достоевского в формировании его литературных вкусов, К.Умудова узнала о том, что он в молодости, как и многие турецкие литераторы, увлекался чтением русской классической литературы и с тех пор периодически перечитывает роман "Братья Карамазовы", а Алеша Карамазов является внесюжетным героем одного из его рассказов. Так азербайджанская исследовательница решила найти художественные и культурные параллели, на которых встречаются живой классик турецкой прозы Шериф Айдемир (родился в 1950 г. в городе Кемалие) и классик русской и мировой литературы Достоевский, которому в 2021 году исполнилось 200 лет.

В докладе К.Умудовой выявляется доминирующий контекст, обуславливающий проникновение художественной, философской антропологии Достоевского в прозу Айдемира. К исследованию в контексте антропологических поисков Достоевского были привлечены рассказы Ш.Айдемира "Твидовое пальто" (Kirçıl palto, 2003), "Платок на память" (Mendilim sende kalsın, 2010), "И вспомнились мне руки твои нежные" (Yumuşak ellerin aklıma düştü, 2013). Размышления о сходстве и параллелях, о моментах встречи в тексте и в интертексте двух писателей, представляющих разные языки, культуры, страны и историческое время, докладчица обратила внимание на единство метафизического, духовного сознания у обоих писателей, что связано с их антропологическим взглядом на человека как на существо, свободное в познании себя и своего места в мире, ответственного за все, что происходит вокруг.

Разобрать человека, восстановить его погибшую душу, где потускнел образ Божий, - вот задача Достоевского, суть его антропологизма. Модель "очеловечивания человека", освобождения его от внешней оболочки, от скорлупы и открытия его подлинных границ универсальна. Об этом пути к себе-каждого человека, о необходимости встречи с образом Божьим и говорит Айдемир в своих рассказах. "Найти в человеке человека" как главная творческая задача писателя Достоевского отзывается во многих произведениях турецкого писателя, воспитанного в исламских духовных поэтиках, в судьбах и характерах героев его рассказов.

Образом человека, способного изменить мир подвигом негласным, следуя глубинному содержанию сердца, авторским словом, ненавязчиво и "молча" указывающим путь к воскрешению поврежденной души, отзывается Достоевский в прозе Айдемира. В рассказе "Твидовое пальто" крестьянка Аиша готова взять на себя ответственность за ошибки мужа и отсидеть в тюрьме часть срока за него, а, освободившись, вернуться из Стамбула в деревню и вернуть прежнее счастье единства в семейном очаге. Значение образа Аиши, как считает К.Умудова, сходно с подвигом самопожертвования, который совершает Соня Мармеладова в романе "Преступление и наказание", спасая душу Раскольникова, не оставляя его одного в беде. За внешней оболочкой хрупкой и беззащитной Сони скрывается внутренняя красота, всепрощение, смирение, бескорыстная любовь к людям - она идеал Достоевского. Примечательно, имя Аиша выбрано писателем не случайно: так звали одну из жен Пророка Мухаммеда, у которой не было своих детей и которая растила сирот, давала им образование, помогала им впоследствии строить семью. Тут тоже можно увидеть скрытую аналогию с Соней, которая также растила сирот и шла на мучения ради них. Имя Сони - "мудрость" - передает семантику понятия "ирфан" - мудрость, сакральные знания, с помощью которого мусульмане достигают сближения с Аллахом.



Герой рассказа "И вспомнились мне руки твои нежные" молодой литератор с символическим именем Окумуш (Грамотей) сумел разглядеть за очерствевшей и озлобленной фигурой убийцы-рецидивиста Мустафы беспомощного одинокого человека, забывшего путь к Богу. Ему как грамотному, осведомленному человеку, дано понять, что за грубой и дикой внешней оболочкой дяди Мустафы скрыты детская наивность, умение радоваться счастью других. В итоге из неведающего Бога человека, не умеющего обращаться ко Всевышнему с молитвой о прощении (вспомним Раскольникова), Мустафа поднимается до высшей личности, передающей свой опыт сближения с Аллахом другим: он учит Окумуша отказываться от своего уединения, своей кажущейся свободы и полюбить медсестру Башак и создать вместе мир любви, семью, стать творцом своей судьбы. "Из сердца одного человека лежит мост к сердцу другого человека, помни об этом сынок!", - поучает он молодого друга. "Ты не женат, не так ли?/ Да, не женат. / Кому-то дал обещание? / Никому, кроме Аллаха". Окумуш не сделает предложение девушке, которой не может обещать то, что он обещал Богу, - вечной любви. "Очевидно, что в человеческих отношениях писателя занимает место

нечто иное <...>" - пишет Татьяна Касаткина в статье "Другая" любовь в ранних произведениях Достоевского" о "другой" любви Макара Девушкина, Васи Шумкова, Мечтателя. Ее слова вполне можно отнести и к образу любви, которую несут в себе герои Ш.Айдемира в рассказах "И вспомнились мне руки твои нежные" (Окумуш), "Платок на память" (Фират, Фиган). Онтологичность, бытийственность у каждого писателя определяется не физическими параметрами существования человека, а тем, насколько его путь отражает в себе Божественную сущность жизни.

Непосредственным литературным фактом входит Достоевский в текст рассказа Шерифа Айдемира "Платок на память". В диалоге между Фиган и Фиратом, молодым поэтом, влюбленным в учительницу, появляется Алена. Романный герой Достоевского оказывается героем и Фиган, и Фирата. Более того, своим вопросом: "Мне кажется, вы остались под впечатлением Алени?" - Фират предопределяет будущий великий подвиг героини, которая спасает его Дом, его мир от разрушения. И то, как поступит Фиган, эта молодая турчанка, какой "закон солидарности" (Т.Касаткина) она проведет с собой и через себя, как обнимет раненые сердца Фирата и его жены Назыджан, растворяясь в их радости, - это и будет примером бесстрашия Алеши Карамазова. В рассказе об Алеше лишь упоминается: то есть художественное время, отведенное лишь упоминанию имени Алеши Карамазова, на самом деле становится временем вечного пребывания героев в единстве, в смирении, создает общий язык взаимопонимания между ними.

Стремление выйти за пределы своего земного "я" и приобретения высшего "я" как главная тема антропологии Достоевского находит свое отражение в рассказах Айдемира в диалогах между героями, направленных на поиск цели выйти за пределы своего уединенного состояния, непременно сопровождаемых обращением к высшей Истине, ко Всевышнему.

В своем докладе К.Умудова затронула вопрос о типологическом сходстве между образами обладателя ирфана (прозорливости), könül insanı - выразителем авторской позиции в произведениях Айдемира, - и человека "с сердцем", "с умным сердцем", "сердечного человека", положительно прекрасных людей, святых юродивых Достоевского. У обоих писателей эти образы выступают носителями знаний о сокровенном, духовном человеке.

В докладе Кямали Умудовой сопоставляются основные дискурсы творчества двух писателей: натура и социум, культура и цивилизация, столица (Петербург и Стамбул) и деревня, деньги и душа, социальная пищета и духовная зрелость, вера в человека как в брата своего в пространстве мира, где живут "чужие" - много совпадений ситуаций героев рассказов Айдемира и героев романов Достоевского. Петербург и Стамбул показаны у писателей как фон отрицательного воздействия на душу человека: первый - символ "идеи-черта", источник греха, ошибки Раскольникова, и второй - символ "пальто-дьявола", который соблазнил безымянного героя Айдемира. В названии одного из ранних рассказов писателя "Город, проглотивший мою душу" (Ruhuma saplanan şehir) содержится аллюзия на Петербург Достоевского в романе "Преступление и наказание". Турецкое слово saplamaq (в переводе на русский "наносить удар до конца, до рукоятки") имеет коннотацию со словом "нож", "топор", что выражает темную стихию безликой толпы и указывает на идею Раскольникова. Резюмируя свое выступление, докладчица отметила, что в центре творчества Достоевского и Айдемира лежит глубоко выношенная и осмысленная антропологическая система, основанная на вере в человека как в духовное существо, и данное базовое положение указывает на важность и плодотворность сравнительно-типологического изучения творчества двух писателей.

На пленарном заседании был заслушан еще один доклад, вызвавший большой интерес участников в силу своей актуальности. Доклад кандидата филологических наук, писателя-переводчика из Турции Сабри Гюрсеса назывался "Изучение Достоевского на турецком языке". Он был посвящен истории переводов и изданий Достоевского в Турции. С.Гюрсес назвал Достоевского иконой русской литературы, определившей путь ее дальнейшего развития. Своим литературным мастерством и стилем, как утверждает турецкий исследователь и переводчик, Достоевский определил иную идеологию, мировоззрение, и поэтому перевод и изучение его наследия требуют особого внимания и отношения.

С.Гюрсес как литератор и переводчик изучает русскую литературу и творчество Достоевского вот уже двадцать лет. Он считает, что переводы Достоевского достигли нового этапа именно в XXI веке, потому что появление профессиональных литературных переводчиков русской литературы с академическим образованием открыло путь к критической оценке старых переводов и появлению новых. Кроме того, в 2015 году была переведена монография "Проблемы поэтики Достоевского" Михаила Бахтина на турецкий язык, которая заложила основу для нового прочтения Достоевского и его переводов в Турции.

В своем докладе С.Гюрсес классифицировал историю переводов Достоевского на турецкий язык: 1) период переводов эмигрантов (Пихал Талуй), когда Достоевский переводился в более романтичном, сентиментальном стиле; 2) период повторных переводов (ретрансляций) (Эргин Алтай и др.) Для этого периода характерны имитация и подражание стилю Талуя и совершенствование переводов с других языков; 3) третий период, начавшийся в XXI веке, отмечен новыми и разными стилями переводчиков, которые пытаются раскрыть и передать оригинальный голос Достоевского в переводе и пытаются отразить особенности его языка и стиля наиболее точно и верно.

Из всех русских писателей, которыми восхищались в Турции, Достоевский был самым популярным писателем всех времен. В каком-то смысле он стал настоящим писателем и турецкой литературы. Это потрясающий успех переводов и переводчиков. Произведения Достоевского включены в список литературы для чтения в школах по рекомендации Министерства национального образования Турции с 2005 года, отметил С.Гюрсес. Классическая русская литература воспринималась в Турции прежде всего как часть западной литературы, и основные классические произведения были переведены на турецкий язык уже в течение первых двадцати лет Республики. Турецкие авторы читали и переводили Достоевского с французского. Первыми известными турецкому читателю переводами были "Белые ночи" (Рупен Эшреф Гюнайдин, 1918), "Тюремные воспоминания" (Рефик Халит Карай, 1918). В 1923 году Якуп Кадри перевел полный текст "Записок из Мертвого дома". Все первые переводы были опубликованы в "Новом Журнале" (Yeni Mecmua).

В тридцатые (1930-е) годы такие произведения Достоевского, как "Братья Карамазовы" и "Бесы", публиковались отдельными главами в газетах. До открытия кафедры русистики в Анкаре по предложению Ататюрка в 1936 году профессиональных литературных переводчиков с русского языка в Турции было очень мало. Несколько переводчиков-эмигрантов появлялись и исчезали в сороковых (1940-х) годах, но остались Хасан Али Эдиз и Нихал Ялаза Талуй. Эдиз перевел только роман "Преступление и наказание". А Нихал Талуй работала очень плодотворно. Ей удалось перевести почти все книги Достоевского. Эти переводы, опубликованные Министерством национального образования, вызвали всеобщее восхищение и долгое время служили образцом художественного перевода на турецкий язык.

Переводы Достоевского производились не только с языка оригинала - многие переводы Достоевского осуществлялись с других языков. В Турции есть несколько повторных переводов (ретрансляций) "Бесов", "Братьев Карамазовых", "Белых ночей" и других произведений Достоевского с английского, немецкого и французского языков. После смерти Талуя в 1963 году переводчик Эргин Алтай начал работу над повторными переводами Достоевского. В Анкаре смерть Гретора Земзы поднимает его над враждебным ему миром. Познание самого себя приравнивается у Кафки признанию героем невыносимости своего положения. А у Достоевского отчуждение от мира и человека оценивается как грех, заблуждение, отступление, поэтому Мышкин поучал Ипполита смириться, отказаться от гордости. Роберт Музиль - австрийский писатель и экспериментатор, один из ярких представителей интеллектуальной прозы первой половины XX века, чьи личность и творческие принципы во многом пересекаются с Достоевским. В посмертно опубликованных статьях он рассказал о влиянии Достоевского на формирование его творчества. Р.Музиль относил Достоевского к числу тех, кто помог ему открыться как писателю. Одна из фундаментальных проблем, которая вызывает страстный интерес Музиля, - это проблема обособленной личности, проблема индивидуализма. Этой теме посвящено важнейшее произведение австрийского писателя - роман "Человек без свойств". При его написании Музиль использовал художественные и психологические открытия Достоевского.

О борьбе земного, бытового начала с началом духовным, небесным как об основном конфликте творчества М.Цветаевой и Ф.М.Достоевского говорила в своем выступлении на секции "Достоевский и русская литература" доцент кафедры истории русской литературы БСУ Хураман Мурсалиева (Баку). Доклад Х.Мурсалиевой "Мотивы Ф.Достоевского в творчестве М.Цветаевой" был построен с упором на центральные темы, волнующие поэта, и посвящей смежным мотивам творчества М.Цветаевой и творчества Ф.Достоевского. Как отмечено в докладе, Достоевский всем своим творчеством стремился раскрыть внутренний мир человека, его душу. Он стал началом нового этапа в изучении внутренней истории человека. Как пишет Бердяев: "После него человек уже не тот, что до него. Эта новая антропология учит о человеке, как о существе противоречивом и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не только страдающем, но и любящем страдания". С этой точки зрения можно с уверенностью сказать и о новой антропологии Марины Цветаевой.

Отдельные философские и символические мотивы творчества Достоевского нашли прямое или косвенное отражение в произведениях Кафки. Для героев Достоевского "подполье" была отрицательным полюсом их существования, полюсом, с которого они, как и их создатель, страстно стремились к реальной жизни. В повести Кафки "Превращение" фигура "пещеры" становится лирическим символом мучительной безысходности человеческого существования. В мятежном и страдающем Ипполите ("Идиот") Достоевского выражено отчаяние человека, потерявшего связь с миром. Ипполит видит свое положение "выкидыша" и злится на природу. Он собирается уходить из жизни, которая приняла в его глазах форму тарантула. "Нельзя оставаться в жизни, которая принимает такие странные, обижающие меня формы", "Я не в силах подчиниться темной силе, принимающей вид тарантула" [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 341]. Еще один символ отчуждения от мира в романе Кафки "Превращение" выражен в образе насекомого, в которого превратился Грегор Земза. Он символ безнадежного, рокового одиночества и недоступности людей. У Кафки смерть Гретора Земзы поднимает его над враждебным ему миром. Познание самого себя приравнивается у Кафки признанию героем невыносимости своего положения. А у Достоевского отчуждение от мира и человека оценивается как грех, заблуждение, отступление, поэтому Мышкин поучал Ипполита смириться, отказаться от гордости. Роберт Музиль - австрийский писатель и экспериментатор, один из ярких представителей интеллектуальной прозы первой половины XX века, чьи личность и творческие принципы во многом пересекаются с Достоевским. В посмертно опубликованных статьях он рассказал о влиянии Достоевского на формирование его творчества. Р.Музиль относил Достоевского к числу тех, кто помог ему открыться как писателю. Одна из фундаментальных проблем, которая вызывает страстный интерес Музиля, - это проблема обособленной личности, проблема индивидуализма. Этой теме посвящено важнейшее произведение австрийского писателя - роман "Человек без свойств". При его написании Музиль использовал художественные и психологические открытия Достоевского.

О борьбе земного, бытового начала с началом духовным, небесным как об основном конфликте творчества М.Цветаевой и Ф.М.Достоевского говорила в своем выступлении на секции "Достоевский и русская литература" доцент кафедры истории русской литературы БСУ Хураман Мурсалиева (Баку). Доклад Х.Мурсалиевой "Мотивы Ф.Достоевского в творчестве М.Цветаевой" был построен с упором на центральные темы, волнующие поэта, и посвящей смежным мотивам творчества М.Цветаевой и творчества Ф.Достоевского. Как отмечено в докладе, Достоевский всем своим творчеством стремился раскрыть внутренний мир человека, его душу. Он стал началом нового этапа в изучении внутренней истории человека. Как пишет Бердяев: "После него человек уже не тот, что до него. Эта новая антропология учит о человеке, как о существе противоречивом и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не только страдающем, но и любящем страдания". С этой точки зрения можно с уверенностью сказать и о новой антропологии Марины Цветаевой.

(Продолжение следует)